

Владимир Злеников

Петров
и
Васечкин

В
СТРАНЕ
ЯНГОНИЯ

Там нога
человека
не ступала.
Не могла
туда попасть
собака.
И некому
было её
съесть.

САМАЯ
ОЖИДАЕМАЯ
КНИГА ГОДА

Что за
жизнь без
приключений?
Только
правила
и законы.

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Приключения Петрова и Васечкина

Владимир Алеников

**Петров и Васечкин в стране
Эргония. Новые приключения**

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алеников В. М.

Петров и Васечкин в стране Эргония. Новые приключения / В. М. Алеников — «РИПОЛ Классик», 2015 — (Приключения Петрова и Васечкина)

ISBN 978-5-386-08422-6

Новая повесть Владимира Аленикова – долгожданное продолжение истории про неутомимых искателей приключений Петрова и Васечкина! Эти ребята никогда не скучают. На этот раз они отправляются в Антарктиду и сталкиваются с новой неизвестной цивилизацией гигантских муравьёв!

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-08422-6

© Алеников В. М., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Несколько слов от автора	6
Пролог	8
1. Приглашение	11
2. Страшная тайна	13
3. Пищащие устрицы	15
4. Прыгающие сумерки	18
5. Старший Васечкин	20
6. Дракон с острова Комодо	23
7. Ракообразы и крокопсы	26
8. На край света	29
9. Вопрос ребром	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Михайлович Алеников Петров и Васечкин в стране Эргония Новые приключения

*Светлой памяти моего отца, замечательного учёного,
биофизика Михаила Владимировича Волькенштейна*

© Алеников В. М., 2015

© Иллюстрации. Володькина Е. М., 2015

© Иллюстрация на обложке. Бугославская Н. В., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Несколько слов от автора

Дорогой мой читатель!

Если ты читал книги или смотрел фильмы о приключениях Петрова и Васечкина, обыкновенных и невероятных, а также об их каникулах, столь же обыкновенных и невероятных, на что я очень надеюсь, то тебя нисколько не удивит то, что случилось с этой неразлучной парой на этот раз. Потому что, если вообще подобное могло произойти, то, конечно, только с ними, с кем же ещё!

Ну и, само собой разумеется, с предметом их общего поклонения – красавицей, спортсменкой и отличницей Машей Старцевой. Понятно, что без неё ни одна весёлая история Петрова с Васечкиным просто никогда бы не состоялась! И хотя оба друга ни за что бы в этом не признались, именно Маша всегда являлась главным стимулом во всех авантюрах и приключениях, которые выпали на их долю.

Напомню, что в повести «Рыцарь», которая вошла в книгу и в фильм об их невероятных каникулах, все подвиги совершались друзьями как раз во имя Маши. Точно так же как когда-то Дон Кихот, которым загорелся стать Васечкин, совершал свои подвиги во имя красавицы Дульсинеи. Поэтому ясно, что без Маши и в этой истории было не обойтись.

Другое дело, что ни Петров, ни Васечкин даже близко не представляли себе, какие испытания выпадут на их долю. Впрочем, не будем забегать вперёд, расскажем всё по порядку.

Замечу только – мне почему-то кажется, что это далеко не последняя история, которая с ними произошла. Так что, может быть, ещё будет повод поведать тебе и об их дальнейших приключениях. Ведь без приключений они просто не могут существовать. Уж такие они – эти Петров и Васечкин. Помните их песню:

Приключения, приключения!
Где дуэли и где погони?
Ах, как хочется приключений!
Как назло, их всё нет как нет.
Что за жизнь без приключений?
Только правила и законы.
Разве можно смириться с этим,
Если стукнуло десять лет!

Приключения, приключения!..
Песни ветра, толчки штурвала.
В сердце музыкой отзовутся
Звон кольчуги и стук копыт.
Ах, как хочется приключений!
Отчего их совсем не стало?
Жизнь проходит, и мне не спится,
Даже если весь город спит.

Приключения, приключения!..
Львы спускаются к водопою.
Что-то снова запахло штормом...
Шпаги наголо, господа!
Ах, как хочется приключений!

– Ты бледнеешь, да что с тобою?
– Пустяки, это старая рана!
Ах, как быстро летят года!

Правда, пели они эту песню давным-давно, когда им было по десять лет. С тех пор прошла масса времени, и всё, что с ними случилось в этой книге, произошло, когда всем троим уже стукнуло одиннадцать. Согласись, это уже совсем другой возраст, куда более серьёзный! Но и события, которые происходят в этой книге, куда более значимые, чем всё, что эти герои переживали раньше.

Впрочем, не буду больше тебя задерживать. Оставляю тебя с Петровым и Васечкиным в надежде, что всё, случившееся с ними на этот раз, доставит тебе не меньшее удовольствие, чем и предыдущие их приключения, обыкновенные и невероятные.

Твой Владимир Алеников

Пролог

Пингвин спешил. Обычный туман сгустился ещё сильнее, вот-вот должен подняться сильный ветер. Пингвину непременно надо успеть завернуть за скалу, в долину, туда, где можно укрыться. Ветер мог серьёзно помешать ему вернуться к своим, где его давно и с нетерпением ждали. Из-за того, что торопился, пингвин ещё больше, чем обычно, раскачивался на ходу. Походка выглядела неуклюже, но он шёл всё же довольно быстро. Ему было нелегко ещё и потому, что он нёс в зобу несколько небольших рыбок-серебрянок, пойманных им в солёном озере. Он должен был накормить свою подругу, которая высиживала птенцов, пока он добывал пищу. Этой еды им хватит на неделю, затем придётся снова совершить марш-бросок к озеру.

Пингвин повернул за угол, и начинающий задувать ветер сразу стих. Вдоль дороги без малейшего видимого движения стояли странные фигуры, вроде как стражники. Над парой тонких, но крепких ножек расположилось продолговатое тёмное брюшко, затем тонкая талия перетекала в среднюю короткую часть тела, защищённую острыми шипами и также снабжённую парой ножек, висевших сейчас неподвижно. После начиналась мощная грудь ещё с одной парой неподвижных ножек, увенчанная круглой головой, над которой возвышались два длинных усика, напоминавших антенны.

Стражников было восемь. За их спинами, недалеко от дороги, на высоком постаменте располагалась статуя. Она казалась намного больше, чем сами стражники, и пропорции тела у неё были несколько иные. Более короткое брюшко, более длинная грудь, а сверху, повитая уже туманом, угадывалась голова – очень большая и очень широкая. Статуя стояла спиной к дороге, на четырёх ножках, подняв верхнюю часть тела, смотрела куда-то вдаль. Она была сделана из какого-то чёрного материала, блестящего, как антрацит.

Пингвин, не обращая ни малейшего внимания на неподвижных стражников, ещё больше ускорил шаг. Его раскачивающаяся походка выглядела теперь совсем нелепо. Вскоре статуя осталась далеко позади. Пингвин из последних сил обогнул гору и, наконец, смог перевести дух.

Здесь пока не было никаких признаков ветра. Колония из нескольких тысяч его сородичей расположилась в укромном месте, надёжно укрытом горами со всех сторон. Пингвин удовлетворённо оглядел шумную толпу и поспешил к своим, издавая гортанные призывные звуки и прислушиваясь, не раздастся ли ответный возглас. Его подруга вскоре отозвалась, вышла из толпы ему навстречу. Они радостно потёрлись клювами, и пингвин выложил перед ней на снег свою добычу.

Внезапно потемнело, и раздался громкий крик, предупреждающий об опасности. Пингвины повернулись спиной к поднимающемуся ветру, тесно прижались друг к другу, спрятали головы и стали ждать. Никакая, даже самая сильная буря не сможет нанести им

серьёзный вред. Через какое-то время, когда стоящие с краю сильно замёрзнут, произойдёт ротация. Их пропустят внутрь толпы, где они согреются, а их места займут другие.

К счастью, на этот раз ветер бушевал недолго, пару часов. Когда он закончился, пингвины ожили и начали радостно расходиться. Сгустившийся над дорогой туман слегка развеялся, и оказалось, что восемь странных тонконогих существ так же неподвижно, как камни, стоят вдоль обочины, на страже чёрной статуи. Ровный белый свет, падающий сверху, освещал их, замерших в полном безмолвии. Не раздавалось ни звука – ни скрипа, ни шороха. Может, они и сами были статуями?

Но вдруг антенны одного из стражников вздрогнули и шевельнулись. Сразу же брюшко его судорожно прижалось к земле и тут же приподнялось вновь, оставив маленькую тёмную каплю. Остальные семь стражников также ожили, повернулись. Произошло перестроение – опустившись на шесть ножек, стражники теперь растянулись по обе стороны дороги. Затем они вновь выпрямились и опять застыли. Четыре неподвижных фигуры с каждой стороны.

Прошло совсем немного времени, и тишина нарушилась. Раздался шорох, и из тумана на дороге появилось какое-то новое, совсем иное существо. Оно бежало стремительно, на шести быстрых ножках. На изгибе дороги существо не удержалось, соскользнуло в кювет, но ловко выбралось обратно и продолжило путь. Теперь было видно, что это крупное насекомое, серого цвета и с мягким телом. Оно походило на бескрылую бабочку.

Насекомое мчалось в смертельном ужасе. Его преследовали. Из тумана появилась погоня – два бойца, во всём походивших на застывших стражников. Походившее на бескрылую бабочку существо ускорило движение, и в это время где-то над ним, вверху, раздался шум крыльев. И когда мягкое насекомое поравнялось с первой парой стражников, из тумана резко спикировал вниз ещё один боец. Его красные перепончатые крылья резко вибрировали. Зависнув в воздухе над спиной жертвы, боец вонзил в неё острое зазубренное жало, выскочившее из его брюшка как на пружине. И тут же отдёргнул его обратно. Ножки несчастного существа подогнулись, усики задрожали, и всё было кончено. Летун взвился вверх, в туман, и исчез.

Двое стражников и два подбежавших бойца немедленно принялись за работу. Тело мягкого насекомого быстро расчленили на несколько частей. Четверо бойцов схватили оторванные куски и, встав на оставшиеся две пары ножек, двинулись назад. Шесть других стражников по-прежнему не шевелились. Через некоторое время по дороге из тумана пришли ещё двое – может быть, новые, а может, те, что стояли здесь раньше, – и присоединились к страже. Вновь восемь стражников выстроились с одной стороны дороги, и опять на долгие часы установились тишина и неподвижность.

Но вот какой-то странный звук родился где-то далеко за облаками. Сначала это было просто тихое жужжание, потом звук стал приближаться, обрёл басовый тон, на ровной ноте раздался рокот. Он становился всё громче, ещё ближе, ещё. И вот уже страшный рёв и грохот разразился над дорогой в невидимом за облаками небе. Пройдя через максимум, как обрушивающаяся на берег волна, звук стал ослабевать. Опять перешёл в ровный рокот, затем в жужжание, переходящее в еле слышные вибрации и, наконец, всё стихло.

Неподвижные стражники тем временем вновь ожили, их явно озаботило всё, что происходило. Один из них повторил прежний манёвр – выделил капельку жидкости из брюшка. Другой пошевелил усиками, повернулся, опустился на все шесть ножек и убежал по дороге назад – явно с донесением. Вскоре его сменил новый боец. И опять всё замерло.

Долго потом не случалось никаких событий. Иногда мимо проходили пингвины, не обращающие ни малейшего внимания на стражников.

Шли дни. Но не ночи. Свет не сменялся тьмой, ничего похожего на яркие краски заката или восхода солнца не возникало в белом тумане. Стража была неподвижна, она не сменялась, бойцы не ели и не пили, их тела ничего не выделяли. Громадная голова чёрной статуи смотрела сквозь туман, казалось, она чего-то ждала, как и её стража.

Однажды стражники снова очнулись. Сработала прежняя сигнализация, и опять было произведено перестроение – по четверо с каждой стороны. Дорога ожила. Сначала на ней появился передовой отряд бойцов, двигавшихся ровным строем. Они шли долго, их было несколько сот. Многие несли какие-то серые комочки величиной с куриное яйцо. Миновав неподвижную стражу, они подошли к постаменту и расположились треугольником, острый угол которого смотрел вперёд, а основание опиралось о подножие статуи.

Простояв так около часа, они двинулись в неведомое пространство, в бездорожье, в белый туман. Над ними шелестели невидимые крылья – летающие бойцы также отправились в путь. Прежде чем уйти, замыкающие это движение оставили несколько капель жидкости на камнях возле статуи.

К этому времени новое существо появилось на дороге. Его несли четыре бойца, двигавшиеся так плотно, что их скорлупчатые спины образовали единую поверхность. На ней и стояло существо всё в той же привычной позе – на четырёх ножках, с поднятой верхней частью тела. Оно отличалось от бойцов несколько иными пропорциями, более светлой окраской и большой головой с очень длинными усиками. При виде его все восемь стражников, как по команде, прикоснулись брюшками к земле и выпустили капли жидкости. Бойцы со своей ношей прошли мимо и также остановились у подножия статуи.

Следующая группа носильщиков, сопровождаемая новым отрядом бойцов, несла уже не живое насекомое, а его точную копию в полный рост, по сути такую же статую, как и ту, что охраняли стражники – гигантскую, чёрную и блестящую, скрывавшуюся головой в тумане. Только эта копия была сильно уменьшена по сравнению с оригиналом.

Неожиданно один из носильщиков пошатнулся, оступившись. Мгновенно, с большой ловкостью была произведена замена – на его место тут же встал другой, а оступившийся отошёл назад и вправо, к краю дороги. Здесь он остановился, стыдливо пригнув голову к земле. К нему быстро подскочили четыре бойца, один из них перекусил его шею острыми жвалами, остальные разорвали тело на части. Между тем носильщики со статуей уже скрылись впереди, последовав за первым отрядом.

Ещё несколько сот, а может быть, и тысяч бойцов прошло по дороге, и новые невидимые отряды крылатых прошумели над ними. Затем двинулись вперёд и скрылись в тумане носильщики с головастым насекомым. И, наконец, проследовал последний отряд – замыкающий. Всё войско исчезло, поглощённое туманом, затих шум крыльев, опустела дорога. Стража вновь перестроилась, восьмёрка приняла исходное положение и замерла. Вновь на долгое время воцарилось безмолвие.

Не сгущается и не тает туман. В холодном белом свете блестит дорога, отливают красным тела стражников, неподвижно лежат серые, желтоватые, покрытые нетающим снегом камни. И, упираясь раздутой головой в облака, возвышается огромная чёрная статуя, смотрит большими фасеточными глазами вперёд, куда-то вдаль.

1. Приглашение

Наконец наступили долгожданные зимние каникулы. Прошёл Новый год, и неразлучная троица из пятого «Б» – Петя Васечкин, Вася Петров и Маша Старцева – отправилась на лыжную прогулку. Инициатором, разумеется, выступил Васечкин.

Он сказал:

– Слышь, Петров! Айда в лес, на лыжах кататься! Воздухом подышим. Там знаешь как классно? Зимняя сказка. Я тебе покажу, как коньковым ходом бегают.

– А ты умеешь? – засомневался Петров.

– А то нет! Ясно, что умею, – уверенно заявил Васечкин, на самом деле имевший весьма отдалённое представление о коньковом ходе на лыжах.

Петрова, однако, эта уверенность, как всегда, убедила.

– Ладно, – согласился он. – Пойдём. Мне как раз лыжи новые купили на Новый год.

А Маша?

– Что Маша? – нахмурился Васечкин.

– Машу возьмём с собой?

Васечкин задумался. Вопрос был непростой. Пришлось и затылок почесать, и вздохнуть глубоко.

Петров терпеливо ждал.

– Она же девчонка! – в конце концов объявил Васечкин.

Так, как будто он только что сделал это удивительное открытие.

– Ну и что? – пожал плечами Петров.

– Как это «ну и что»? Ты себе представляешь девчонку на лыжах? Она же сразу разное, разнюнится! Ей то холодно, то голодно, возись с ней всю дорогу. Всё удовольствие испортит! Нет, Петров, лыжи – это дело мужское. Поедем сами.

– Маша не разное, – весомо возразил Петров. – Сам прекрасно знаешь, какая она. Любому парню фору даст. А не хочешь её брать ты только потому, что она тебе на последней контрольной списать не дала!

– А чего ей жалко было? – взъерепенился Васечкин.

На самом деле он был совсем не против Машиной компании, но сдаваться просто так не хотел.

– А тебе что, жалко, что она поедет? – наседал на него Петров. – Жадина-говядина, пустая шоколадина!

– Сам ты шоколадина! – возмутился Васечкин. – Ничего мне не жалко, пускай едет, мне-то что. Сам будешь с ней возиться!

– Ну и буду! – заявил обрадованный Петров.

Он совсем не ожидал, что Васечкин уступит так быстро. И тут же достал телефон и набрал Машин номер.

– Привет, Маша! – солидным голосом сказал он. – Мы с Васечкиным приглашаем тебя в лес на лыжную прогулку.

Васечкин, стоявший рядом, энергично закивал. Как будто это он предложил пригласить Машу. И как будто Маша могла эти его кивки видеть.

Петров долго слушал ответный Машин монолог. Потом сказал:

– Хорошо! И положил трубку.

– Ну что она сказала? – нетерпеливо поинтересовался Васечкин.

Петров вздохнул.

– Сказала, что согласна, – наконец произнёс он. – Поедет.

– А чего она так долго говорила?

Петров опять вздохнул. Ещё глубже.

– Рассказывала, какой она новый лыжный костюм оденет.

Васечкин развёл руками.

Этот жест означал – ну вот видишь! А я что говорил!

Но дело было уже сделано.

2. Страшная тайна

Вот так и случилось, что все трое в прекрасный солнечный зимний день оказались в лесу. Они пересекли неглубокий овраг, пройдя по целине, потом ёлочкой поднялись на склон – не слишком, впрочем, крутой, – и углубились в чашу.

Низко стоявшее солнце то пряталось, то вновь вспыхивало, и тогда всё загоралось – снег, голые ветки, зелёная хвоя. Зима была полна красок – стволы осин зеленовато-жёлтые, верба – тёмно-красная, а тени на снегу – синие.

– Смотрите, опять заячьи следы! – заорал Васечкин.

– Да видели уже, – ответил, останавливаясь, Петров.

Заячьих следов и правда было много, они встречались часто и уже не слишком привлекали внимание. Куда интересней было увидеть красногрудых снегирей на сияющей снежной полянке, или синиц, или, на худой конец, помёт лося.

Друзей нагнала чуть отставшая Маша. Она улыбалась.

– Здорово всё-таки! Мы уже почти три часа на лыжах, а я нисколько не устала.

Васечкин промолчал. Решил, что лучше это заявление никак не комментировать.

– А Васечкин коньковым ходом умеет бегать, – совершенно некстати сказал Петров. – Покажешь, Васечкин? Ты обещал!

– Неохота сейчас, – мотнул головой Васечкин.

Дело в том, что он так и не успел выяснить перед прогулкой, что означает этот коньковый ход.

– И потом, здесь лыжня не подходящая! – добавил он.

– Это как? – удивился Петров.

– Слишком узкая, – пояснил Васечкин. – И не накатанная. Я скажу, когда будет подходящая.

И он взмахнул палками, намереваясь оттолкнуться и покатить вперёд.

– Постой, Васечкин! – остановила его Маша. – Ну чего ты всё дуешься? Я же вижу. Подумаешь, не дала списать! Мы же договорились, что каждый сам. Или ты забыл?

– Ничего я не забыл! – оправдывался припёртый к стенке Васечкин. – И ничего я не дуюсь. Просто я... – он выдержал паузу, подыскивая правильное слово, – озабочен, вот! Знаешь, какие дела творятся?

– Какие? – заинтересовалась Маша.

Васечкин со значением посмотрел на друзей.

– Ладно, – наконец сказал он. – Я вам скажу. Только это страшная тайна. Государственная! Больше никому, ясно?

Петров и Маша переглянулись.

– Ясно! – сказали они. – Никому.

Но Васечкину этого было мало.

– Ешьте снег! – приказал он. – Чтобы закрепить слово.

Петров и Маша закрепили слово, поели снег.

Васечкин наблюдал за процедурой.

– Ну всё, – сказал Петров, вытирая рот. – Теперь рассказывай.

– Ладно, – смягчился Васечкин. – Слушайте.

Он понизил голос и произнёс таинственным шёпотом:

– Папа вчера радиogramму получил. От нашей экспедиции в Антарктиде.

Всем от этого Васечкинского шёпота почему-то стало не по себе. Васечкин старший был известным учёным-геофизиком.

– Ну и что? – тоже шёпотом спросил Петров. – И чего там сказано, в этой радиogramме?

– А то и сказано, – продолжал шептать Васечкин, – что партия Рябова нашла в пещере в горах – ну там ещё широта и долгота указаны, папа говорил какие, но я не запомнил, – начисто обглоданный скелет собаки. Представляете?

– А чего вы шепчетесь? – громко спросила Маша. – Очень ценная находка! И чего тут такого особенного?

– А то и особенное, – обиделся Васечкин. – Ничего ты не понимаешь, Старцева! Рябов со своей группой обследует совершенно неизученный район. Там нога человека не ступала. Не могла туда попасть собака. И некому было её съесть.

– Значит, могла попасть, и её всё-таки съели, – резонно возразил Петров.

– Именно, – подхватила Маша. – Не люди, так звери.

– Эх вы, умники! – победно усмехнулся Васечкин. – В Антарктиде нет зверей.

– Тем хуже для Антарктиды! – заявила Маша. – Всё это какая-то чушь, Васечкин. Уверена, что всё это скоро объяснится. И мне холодно.

Она ткнула палками в снег и покатила вперёд.

– У неё совершенно не научное мышление, – сказал Васечкин Петрову.

– Ну и что, – возразил Петров. – Зато она красивая!

И поехал вслед за Машей.

Васечкину ничего не оставалось, как последовать за ними.

3. Пищащие устрицы

Проехав немного, Маша вдруг остановилась и, повернувшись, прижала ладонь в варежке к губам, призывая к тишине. Схватила подкатившего Петрова за руку. Ещё через несколько секунд подъехал Васечкин.

За кустами стояла лосиха. Нечего было соблюдать тишину – ветки, которые откусывала лосиха, громко хрустели. Она была очень занята своей едой. Лосиха казалась совершенно нереальной. Никто из друзей ещё никогда не видел крупное дикое животное так близко.

Все трое стояли, затаив дыхание, и любовались.

Потом, осмелев, подошли поближе. Ноль внимания. Лосиха продолжала свой обед.

Тут Васечкин совсем обнаглел, подобрал шишку и бросил в неё.

– Ты дурак, Васечкин? – прошептала Маша.

Лосиха подняла голову, посмотрела на них своими тёмными глазами, потом снова занялась ветками.

– Здорово, что она нас не боится! – прошептал Петров.

Маша кивнула.

– Мы её тоже не боимся! – отважно заявил Васечкин.

Маша только покосилась на него неодобрительно, но ничего не сказала.

Минут через пять лосиха оставила кусты, повернулась с удивительной для такого большого животного лёгкостью и побежала в лес быстрым размашистым шагом, немного горбясь.

Они смотрели ей вслед.

– Ни одно домашнее животное так не бежит! – восторженно сказала Маша.

И оба друга согласно закивали.

Даже вечный спорщик Васечкин ничего не сказал.

Потом они вышли из леса. Кочки, мелкий кустарник. Летом – здесь болото. Дальше – снова лес. Тёмно-зелёные ёлки, чёрные стволы, голые ветки на белом фоне. Солнце скрылось, потянул резкий ветерок, завьюжило.

– Где мы вообще находимся? – немножко нервно спросила Маша.

– В Московской области, – ответил Васечкин. – И чего такого?

– Да ничего особенного. А ты, Васечкин, не думаешь, что мы заблудились?

– Конечно, заблудились! – саркастично сказал Васечкин.

На самом деле ему было не по себе. Он понял, что они заплутали, ещё полчаса назад. – Знаешь, Маша, на лыжах всегда чувствуешь себя вроде как путешественником! – нарочито бодрым голосом провозгласил он. – Представь себе, что мы находимся в неизведанных краях. Вот пройдем через лес и выйдем к селению туземцев. Вперёд, за мной!

И Васечкин бодро покати́л вперёд.

Маша и Петров молча катились за ним. Они прошли через лес и оказались на краю глубокого оврага. Сквозь снежок внизу поблескивал замёрзший ручей.

– Ну и где же твоё селение? – спросила Маша.

– Как, ты не видишь селения? – Васечкин широким жестом обвёл вокруг. – Вон перед нами хижины, сделанные из звериных шкур. В них живут эти... ну как их... питекантропы, вот! Если мы не пройдем мимо них с максимальной осторожностью – нам несдобровать. Они поймут нас и съедят. Сначала меня, потом тебя, а потом Петрова.

– А почему меня последним? – поинтересовался Петров.

– Ты из нас самый толстый, – объяснил Васечкин. – Сладкое всегда оставляют напоследок.

Петров насупился.

– А я не дамся! – сказала Маша. – Я буду визжать, они перепугаются и исчезнут.

– Ничего ты не понимаешь, – усмехнулся Васечкин. – Чем громче ты будешь визжать, тем для них вкуснее. Как устрицы.

– Почему как устрицы? – поинтересовался Петров.

– Потому что устрицы пищат, когда их глотают. Это всем известно.

– Ничего подобного, – возразила Маша. – Мой папа недавно был во Франции, они там ели эти устрицы. Сколько хочешь. И он говорит, что они, наоборот, очень даже серьёзные. И молчаливые. И никто не пищит!

– Они очень тихо пищат! – возразил не желавший уступить Васечкин. – Надо прислушиваться.

– Вы есть хотите? – прервал дискуссию Петров, у которого от этого разговора засвербило в животе. – Я – хочу!

Он скинул с плеч рюкзак, извлёк оттуда заготовленные бутерброды.

Некоторое время все молча ели.

– Ну как переименованная булка? – спросил с набитым ртом Васечкин.

– Почему переименованная? – удивилась Маша.

– Потому что раньше, – важно пояснил Васечкин, – она называлась французской.

А теперь она называется городская. Борьба с преклонением перед иностранщиной.

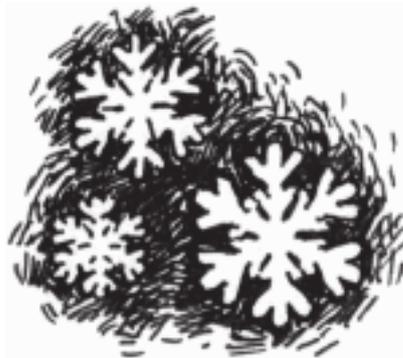
– Откуда ты знаешь? – поразился Петров.

– Я много чего знаю, – скромно потупил глаза Васечкин.

– Да ничего подобного! – возмутилась Маша. – Что ты его слушаешь! На одном из папиных снимков, которые он в Париже делал, симпатичная француженка, мадемуазель такая, тащит батон длиной с лыжную палку. Это и есть французская булка. Да и у нас они во всех французских булочных продаются.

– А ещё у нас есть апельсины, – примирительно сказал Петров.

4. Прыгающие сумерки

Они съели апельсины.

– Жалко, что больше не взяли, – сказал Петров.

Маша спросила:

– Ну, Васечкин, куда теперь? Ты знаешь дорогу?

– Конечно нет! – объявил повеселевший после еды Васечкин. – У нас нет компаса и карты, а первобытные люди собираются на охоту. Они уже слопали нашего единственного проводника и помощника – огромного датского дога по кличке Мушкетёр, и мы похоронили его белые кости в том сугробе. Мы полили сугроб горячими слезами, и весной на этом месте вырастет баобаб! Не веришь? Скажи, Петров?

– Пожалуй... – уклончиво сказал Петров. – Может, и вырастет...

– Ты ужасное трепло, Васечкин! – заключила Маша. – Но всё-таки хочется попасть домой не слишком поздно. А сейчас уже около пяти. Смотри – смеркается. Или мне уже пора папе позвонить?

Она потянулась за телефоном.

– погоди, не звони! – остановил её Васечкин. – Сейчас разберёмся. Пошли вперёд.

Они двинулись дальше.

– Сумерки приближаются короткими прыжками! – заявил Петров.

– Это как это? – удивилась Маша.

– Очень просто. Опустить глаза, потом поднимешь, и тут же видишь, что стало темнее, чем было только что.

Маша проверила. Так оно и было.

– Действительно, – растерянно подтвердила она. – Какой ты наблюдательный, Петров! Петров покраснел.

– Там, где небо посветлее, – там должен быть северо-запад! – объявил Васечкин.

– Где же оно посветлее? – резонно возразил Петров. – Оно везде темнее.

И в самом деле, сумерки валились со всех сторон, вихрями снежинок, тяжёлыми хлопьями с деревьев. Серое небо стало принимать фиолетовый оттенок. Деревья неожиданно расступились.

– Пошли по этой просеке! – обрадовался Васечкин. – Куда-нибудь она нас выведет. Вперёд, за мной!

Они заскользили по лыжне.

– Это безобразие, Васечкин! – возмущалась Маша. – Куда ты нас завёл! И папа с мамой будут беспокоиться, если мы поздно вернёмся.

– Не бойсь, Старцева! – бодро отвечал Васечкин. – Ну – попали в приключение. Представляешь, как будет приятно дома?

Сам при этом покосился на Петрова – мол, что я тебе говорил!

– Хочешь «Тик-так», Маша? – спросил Петров.

Ему было неловко от всей ситуации, хотелось как-то приободрить Машу.

– Давай, – сказала она унылым голосом.

Петров снял перчатку, достал из кармана коробочку с белыми драже.

– Мои любимые! – поделился он. – Я всегда их с собой ношу. Хочешь, Васечкин?

Васечкин остановился, обернулся, молча протянул руку.

Петров щедро отсыпал каждому, и они дружно стали сосать мятные конфетки.

В это время раздался грохот и, сияя огнями, совсем рядом, за деревьями, замедляя ход, прошла электричка.

– Да мы совсем рядом от станции! – возликовал Петров. – Ещё чуть-чуть!

И действительно, через четверть часа дружная троица сидела в вагоне электрички. Поезд быстро приближался к Москве. А ещё через полчаса они, прощаясь, уже стояли на платформе метро.

Маша посмотрела на обоих и, лучезарно улыбнувшись, сказала:

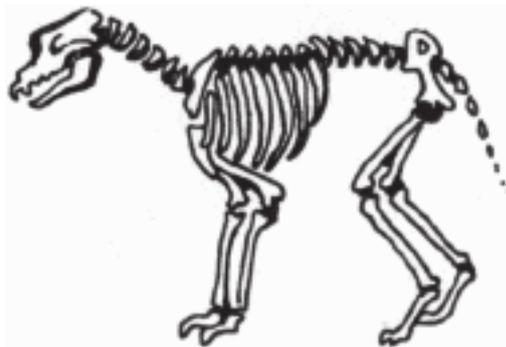
– А всё-таки чудесно мы покатались... И лось!.. Правда?

– Да уж! – вздохнул Васечкин. – Ох, Маша!

– Ладно, ладно! – примирительно сказал Петров.

И они разъехались по домам.

5. Старший Васечкин

Васечкин предполагал, что его как следуют отругают за опоздание и уже даже сочинил целую историю в своё оправдание. Про то, как они с Петровым спасали провалившегося в прорубь пятилетнего мальчика. Как лично он, Васечкин, с риском для жизни вытащил на лёд почти утонувшего ребёнка. Маше в этой истории была отведена весьма скромная роль. Пока Васечкин с помощью Петрова совершал свой героический подвиг, Маша бегала за помощью.

Заканчивалась история тем, что запоздало обнаружившиеся родители бедного мальчика сначала пришли в ужас, а потом захотели сообщить о Васечкинском героизме по всем основным новостным каналам и, само собой, по Интернету. Но Васечкин и Петров скромно отказались от этой рекламы, фотографироваться не стали и даже фамилии свои не назвали.

«В конце концов, такое может случиться с каждым!» – заготовил Васечкин под финал рассказа полную достоинства фразу.

Но, к счастью, на этот раз никакое враньё не понадобилось. Открывшая дверь мама приложила палец к губам и, косясь на закрытую дверь в гостиную, сообщила:

– У нас в гостях Зильберман. Ты очень вовремя, мы как раз ужинаем.

Васечкин с пониманием покивал головой. Аркадий Наумович Зильберман был знаменитым учёным-физиком, академиком, и, хотя дружил с Васечкиным-старшим, но в гости из-за своей огромной занятости заезжал редко.

– Хорошо покатались? – спросила мама.

– Отлично! – пробормотал Васечкин и вздохнул.

Ему было немножко досадно, что так хорошо придуманный рассказ оказался никому не нужен.

– Ну, я очень рада. Давай, быстро переодевайся, мой руки и за стол.

– Ага. Я сейчас, мам!

И Васечкин быстро отправился в ванную.

Только теперь почувствовал, как зверски проголодался.

Когда через десять минут Васечкин подошёл к гостиной, из-за двери донёсся громкий раскатистый смех. Что, впрочем,нисколько его не удивило. Профессор Игорь Петрович Васечкин был человеком весёлым, энергичным и жизнерадостным. Именно от него, от папы, как считал сам Васечкин, он унаследовал свою неуёмную энергию и жажду деятельности. Он поплевал на руку, пригладил непокорные вихры и распахнул дверь.

– А вот и наш лыжник! – обрадовался папа.

– Здравствуй, Петя! – поприветствовал его академик. – Хорошая прогулка была?

– Здравсьте, Аркадий Наумыч! – солидно поздоровался Васечкин, усаживаясь за стол. – Да, покатались неплохо. Показывал ребятам коньковый ход.

– О-о! Да ты профессионал! – с уважением произнёс Зильберман.

– Так, стараемся понемножку, – скромно ответил Васечкин, накладывая себе полную тарелку.

Папа Васечкин подмигнул сыну, мол, знай наших, и, продолжая начатый разговор, обратился к гостю:

– А скажите, Аркадий Наумович, вы ведь слышали про последнюю радиограмму из партии Иннокентия Рябова?

– Слышал, конечно. Сейчас все только об этом и говорят.

– Скажите, что вы думаете об этом скелете собаки?

Академик поморщился.

– Что думаю? Честно скажу вам, Игорь Петрович, ничего не думаю.

– Но как он мог там оказаться?

– Мало ли как. Бросьте ломать голову над пустяками. То ли ещё бывает. Помните историю с тушей мамонта Врангеля?

– Помню, конечно, – улыбнулся Васечкин-старший.

– Вот именно. Сколько подняли шуму, даже экспедицию организовали. А оказался просто кит. Так что не забивайте себе голову собачьими скелетами и тому подобными пустяками. Наукой надо заниматься, а не научной фантастикой.

– Но ведь это вовсе не фантастика, Аркадий Наумович! – разгорячился папа Васечкин. – Рябов серьёзный человек, по пустякам не стал бы шума поднимать. Это действительно совершенно загадочная история. Это открытие может изменить всё наше понимание геофизической ситуации в Антарктиде.

– Я знаю, что вы человек увлекающийся, мой дорогой, – усмехнулся Зильберман. – Но боюсь, что разгадка у этой загадочной истории наверняка очень простая. Ну, отбилась собака, сдохла, замёрзла. Великое дело. Шкуру-то с неё ветрами сдуло – может этот скелет уже там десятки лет валяется.

– Я так не думаю. Тут что-то не так. Рябов полагает, что в центре Антарктиды возможно существование тёплого вулканического района!

– А доказательства? – живо отреагировал Зильберман. – Я слышал об этой теории. Вольное обращение с геологическими и геофизическими фактами – не более. Нам некогда такими вещами заниматься. Перед нами более серьёзные задачи стоят.

Пока шёл спор, Васечкин закладывал за обе щёки. При этом переводил взгляд с одного на другого. Академик, конечно, величина, человек во всём мире известный, уважаемый, но папе своему он доверял больше. Папины слова он никогда сомнению не подвергал. Раз папа говорит, что этот собачий скелет – важное открытие, значит, так оно и есть.

– Аркадий Наумович, я уже полгода анализирую геологические и климатологические данные, полученные нашими и иностранными экспедициями, – тем временем запальчиво говорил папа. – И всё сходится. Вулканических пород предостаточно, и чем ближе к необследованному ещё восточному району, тем чаще встречаются специфические показатели. А температурная аномалия такова, что есть все основания предполагать наличие тёплого вулканического района. Может быть, там гейзеры, как в Новой Зеландии.

– Это всего лишь гипотеза, дорогой Игорь Петрович, – снисходительно улыбнулся Зильберман.

– Но гипотеза научная, – живо возразил папа Васечкин.

– Однако ничем не подтверждённая!

– Ну почему же! Неделю назад Рябов сообщил, что данные аэрофотосъёмки заставляют думать о существовании вулканического района. Замечено неподвижное облако.

– Ах, вы про это облако? Нет, голубчик, это же несерьёзно. Бросьте.

Академик взглянул на часы.

– Спасибо, друзья, но мне пора. Ещё нужно к завтрашнему дню доклад подготовить. Всё очень вкусно. Рад был вас повидать. И всё же, дорогой мой друг, советую вам не витать в эмпиреях, а спуститься на землю. Есть вещи поважнее, чем собачьи кости.

Папа Васечкин открыл было рот, чтобы возразить, но в это время мама быстро наступила ему на ногу. Так он и клацнул зубами, ничего не сказав.

Академик ушёл.

6. Дракон с острова Комодо

– Вот упрямец! – в сердцах сказал папа, возвращаясь в комнату. – Отрицает безусловные факты.

– Ты про собачий скелет? – поинтересовался Васечкин, отставляя тарелку, на которой теперь лежали только хорошо обглоданные им куриные косточки.

– Конечно. Откуда он мог взяться?!.. Я вижу одно-единственное объяснение.

– Ты хочешь сказать, что в вулканическом районе могут быть животные, которые эту собаку сожрали? – спросил Васечкин, разглядывая кости на тарелке.

– Именно! – с энтузиазмом воскликнул папа. – Именно сожрали!

И улыбнулся. Они с сыном и так были похожи, а когда старший Васечкин улыбался, сходство становилось просто невероятным. Улыбались они абсолютно одинаково.

– Это поразительно, – пробормотала тем временем мама, убирая со стола. – Чего только не бывает!

– Новые, ещё неизвестные животные? – загорелся Васечкин. – Это правда, пап?

– Вполне может быть правдой. Петя, не воображай, ради бога, что природа нашей планеты изучена до конца. Крупное млекопитающее – *окапи*, родственник жирафа, было открыто только в начале прошлого века, в тысяча девятьсот двенадцатом году. Дракон с острова Комодо – хищный гигантский варан – был открыт много позднее.

– Я видел в программе «Энимал Плэнет», – перебил Васечкин. – Он оленя уплетал. Классный такой дракон! Вот такая морда зубастая!

И Васечкин изобразил руками морду дракона с острова Комодо.

– Гадость какая! – сказала мама.

Папа вздохнул.

– При чём тут гадость, Ира, – с упреком заметил он. – Это замечательные, разнообразные формы жизни. О которых мы ещё пока очень мало что знаем. Между прочим, целаканта, кистепёрую рыбу, считавшуюся ископаемой, выудили из Индийского океана только перед войной. И на Земле ещё полно всяких белых пятен. Верховья Амазонки, глубинные районы Конго и, в сущности, вся Антарктида.

– Вся Антарктида? – переспросил поражённый услышанным Васечкин.

– Конечно, – подтвердил папа. – Ты представляешь себе Антарктиду? Огромный материк, через который протянулись разрозненные ниточки исследовательских маршрутов. И ниточки эти можно по пальцам пересчитать. А об океане я уж не говорю. Там гигантские кальмары и чего только ещё нет.

– Какая мерзость! – снова сказала мама, вытирая крошки со стола.

– Ты не права, Ира! – возразил папа. – Просто наша планета ещё очень мало изучена. Как писал Шекспир – «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!».

– Шекспира мы читали! – гордо заявил Васечкин. – «Укрощение строптивой», например. И даже сами кое-кого укрощали, – добавил он, вспоминая, как обучал Петрова укрощать Машу.

– Ты бы лучше мне помог, укротитель! – заметила мама. – А я не уверена, что Шекспир имел в виду твоего этого, как ты говоришь, целаканта, – сказала она папе.

– А если в Антарктиде есть неизвестные животные, то чего они там едят? – поинтересовался Васечкин. – Кроме этой несчастной собаки? А, пап? Им же там есть нечего.

– А вот этого мы не знаем, – развёл руками папа. – Но очень хочется узнать. Хотя и не безопасно. Собачий скелет напрямую говорит, что Рябов и его люди могли встретиться в этой экспедиции с какой-то серьёзной опасностью.

– Лиля Рябова, кстати, очень волнуется, – сказала мама. – Иннокентий ведь уже давно в экспедиции. И к тому же у них нет никакого оружия.

– Можешь её успокоить, – ответил папа. – Рябовская экспедиция возвращается. Всё, что было задумано, они выполнили. Даже более того. Думаю, дней через десять Иннокентий уже будет дома.

– Как это у них нет оружия? – удивился Васечкин. – А почему?

– А зачем, по-твоему, им оружие? Антарктида – зона мира и дружбы, – объяснил папа. – Между русскими и американцами, между людьми и пингвинами.

– А что будет дальше? После того как экспедиция Рябова вернётся?

– Изучим всё, что они привезут, и начнём готовить новую экспедицию. Которая пройдёт ещё дальше, в глубь материка. Может наконец, выяснит, что за облако накрывает целую область.

– И когда это будет? – живо заинтересовался Васечкин.

– Думаю, не раньше лета. Пока всё подготовим. Ещё высокое начальство должно дать добро. Ладно, пойду поработаю. Как говорит Зильберман, – улыбнулся он, – перед нами стоят серьёзные задачи. И всё-таки, – подмигнул он сыну, – я прав. И я это докажу!

И папа Васечкин ушёл в свой кабинет.

Этой ночью Петя Васечкин спал беспокойно. Вздрагивал во сне, что-то бормотал.

Мама зашла к нему в комнату, заботливо укрыла его, погладила по голове и, поцеловав в лоб, ушла. Она не знала, что сыну снился удивительный сон.

Васечкин, Петров и Маша находились на Неизвестной земле. Странные звуки раздавались вокруг. Васечкин высунулся из-за скалы и тут же, отпрянув, приложил палец к губам. Прямо перед ними драконы с острова Комодо, жадно урча и отталкивая друг друга, пожирали труп собаки.

– Смотри, Васечкин! – прошептала Маша ему на ухо.

Васечкин оглянулся, посмотрел, куда она показывала.

Неподалёку из зелёной чащи на них удивлённо поглядывала лосиха, объедавшая ветви деревьев. К ней подошло странное животное, слегка напоминавшее жирафа, ноги которого были окрашены в чёрно-белые полосы, как у зебры.

– Это окапи! – прошептал Петров.

Лосиха и окапи переглянулись, и лосиха протянула окапи зажатую в зубах зелёную ветку. Окапи кивнул в знак благодарности, и они вдвоём принялись лакомиться листьями.

– Классно! – сказала Маша. – Они подружились!

Но в это время раздался какой-то странный нарастающий звук, напоминающий стрёкот крыльев. Драконы с острова Комодо перестали лопать бедную собаку, подняли головы и, повернувшись в направлении звука, замерли.

Навострили уши и лосиха с окапи. Звук всё нарастал, пронизывал окружающее пространство.

– Опасностей в Антарктиде хватает! – раздался откуда-то сверху папин голос.

– Надо бежать! – проговорил бледный Петров.

Страшный шум закладывал уши. Откуда-то двигалось НЕЧТО, и от этого НЕЧТО не было спасения.

Драконы с острова Комодо бросили недоеденный труп собаки и помчались прочь.

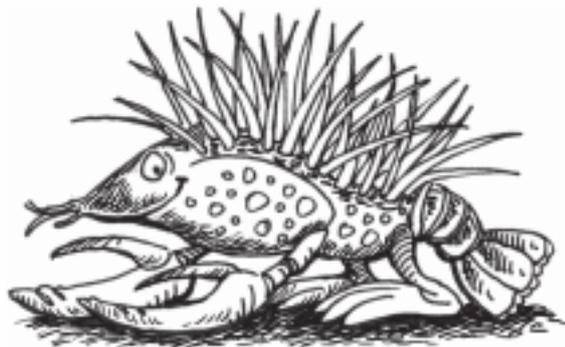
– За мной! – скомандовал Васечкин. Он схватил Машу за руку и подбежал к лосихе. Легко, с разбегу запрыгнул ей на спину, протянул Маше руку, и в мгновение ока она оказалась сидящей у него за спиной.

– Быстрее, Петров! – крикнул Васечкин. Но Петров и сам уже торопился изо всех сил. Он подбежал к окапи и вскочил на него верхом.

– Вперёд! – крикнул Васечкин, обхватывая шею лосихи. – Держитесь!

Маша в свою очередь тесно прижалась к его спине, ухватившись руками за талию. Петров обнял за шею окапи. И вот они уже понеслись изо всех сил, уходя от преследующего их по пятам неизвестного, но, безусловно, ужасно жуткого, огромного и кровожадного чудища.

7. Ракообразы и крокопсы

На следующий день, на большой перемене, Васечкин рассказал Петрову всё, что он узнал накануне. Упомянул и окапи, и цела-канта, и драконов с острова Комодо. Петров был сильно впечатлён рассказом.

– Так что же это получается, – рассудительно произнёс он, – что где-то водятся ещё никому не известные звери?

– Вот именно! – с загоревшимися глазами подтвердил Васечкин. – И не где-то, а известно где – в Антарктиде. Раз папа говорит, значит, так и есть. Он зря говорить не станет.

– Само собой, – с уважением подтвердил Петров. – Твой папа не кто-нибудь. Он ого-го!

И Петров в подтверждение своих слов потряс кулаком.

Васечкин неодобрительно покосился на сжатый кулак друга.

– При чём тут ого-го, – сказал он. – Дело не в этом. Ты, главное, никому не проболтайся. Это тайна, понял?

– Понял, конечно, – почесал в затылке Петров. – Только я не понимаю, в чём тайна. Ничего же пока точно неизвестно. Может, есть там какие-то звери, а может, и нет.

– В том-то и дело, – понизив голос, горячо заговорил Васечкин. – Если там кого найти, так это будет мировое открытие. Как Христофор Колумб, понимаешь? Помнишь, ты в прошлом году на карте Америку открыл? То есть не ты, а Колумб?

– Ну помню, – кивнул Петров. – И что из этого?

– То самое! Это ничуть не хуже. За это открытие сразу Нобелевскую премию дадут!

– Разве за такие открытия Нобелевские премии дают? – засомневался Петров.

– За это точно дадут, – уверенно заявил Васечкин. – Так что никому, понял? Чтобы нам дорогу не перебежали! А то знаешь, много желающих премию получить. Каждому охота. Ты понял или нет?

– Понял, – вздохнул Петров. – Но мыто здесь при чём? Как мы её получим?

Васечкин устало покачал головой.

– Объясняю для непонятливых, – противным голосом произнёс он. – Мы отправимся в экспедицию, в Антарктиду, и откроем там новых животных. Может, их даже назовут нашим именем!

– Это как? – уточнил Петров. – Чьим именно?

– Да очень просто! – горячился Васечкин. – Неизвестный зверь будет называться, например, так – ракообраз Петра Васечкина! Звучит!

– Кто это ракообраз? – не понял Петров. – Какой такой ракообраз?

– Ну это я так, к примеру. Никто пока. Нет пока никакого ракообраза. Его ещё открыть надо.

Но Петрова это не убедило.

– А почему это ракообраз Васечкина? – возмутился он. – А почему не Петрова? А я как же? Чем я хуже? Или ракообраз Петрова не звучит?

– Ну хорошо, звучит, – успокоил его Васечкин. – Чего ты раскипятился-то? Пусть будет твой ракообраз. Ракообраз Василия Петрова. А моим именем ещё кого-то назовут. Крокопса какого-нибудь!

– Крокопса? – удивился Петров.

– Ну да. Крокопёс.

– А кто это?

– Да никто. Это я опять же так, к примеру.

– Да ладно, – великодушно сказал Петров. – Зачем тебе этот крокопёс? Пусть будет наш общий ракообраз. Ракообраз Петрова и Васечкина. Тоже неплохо звучит, между прочим!

– Хорошо, – вздохнул Васечкин. – Договорились. Теперь только осталось найти этого ракообраза.

– А как мы в эту экспедицию попадём? – задумчиво спросил Петров.

Васечкин ничего не ответил. Он смотрел в окно. Перед его затуманенным взглядом возникли пасущиеся на зелёном лугу ракообразы совершенно невероятных расцветок. Неожиданно ракообразы сбились в кучу и уставились на пышные кусты, из которых один за другим выползали крокопсы...

– Кто нас туда возьмёт? – снова спросил Петров.

Васечкин очнулся.

– Положись на меня, Петров! – покровительственным тоном произнёс он. – Это я беру на себя. Ты меня знаешь!

На это Петров не нашёлся что сказать. Васечкина он действительно знал. С первого класса. Однако другая мысль озаботила его.

– А Маша? – спросил он.

– Чего Маша? – не понял Васечкин.

– А Маша как же?

– А Маша, когда узнает, что мы это открытие сделали и что ракообраза нашими именами назвали, обалдеет! Тогда она, наконец, всё поймёт!

При этом, что именно поймёт Маша, Васечкин уточнять не стал.

Но въедливому Петрову этого ответа оказалось недостаточно.

– А как она узнает? – поинтересовался он. – По Интернету, что ли?

Эта идея Васечкину не очень понравилась. Он бы предпочёл, чтобы Маша была непосредственной свидетельницей его триумфа.

– Мы её на церемонию пригласим! – нашёлся он.

– Какую ещё церемонию? – нахмурился Петров.

– На церемонию вручения Нобелевской премии! – торжественно объявил Васечкин.

– А где эта церемония проходит? – на всякий случай уточнил Петров.

Васечкин задумался. Он смутно помнил, что Нобелевскую премию вручает король. Только какой именно король – то ли шведский, то ли датский, то ли ещё какой-то, он сейчас никак вспомнить не мог.

– Где надо, там и проходит! – деловито сказал он. – Ясно где – во дворце!

И прежде чем Петров открыл рот, чтобы уточнить в каком именно дворце, торопливо добавил:

– Мы ей билет дадим в первый ряд. Пусть сидит и любится!

Петров прикусил губу.

Он обдумал всю ситуацию, а потом решительно покачал головой.

– Это не прокатит! – сказал он.

Настала очередь Васечкина удивляться.

– Как это, не прокатит? – поразился он. – В первом ряду не прокатит? Ну, тогда можно в ложу. В королевскую.

– Дело не в этом, – вздохнул Петров. – Она нам не простит.

– Чего не простит? Премии?

– При чём тут премия! Что мы без неё в экспедицию поедем, вот чего!

Васечкин вытаращил глаза.

– Ты, что ли, хочешь, чтобы она с нами в Антарктиду попёрлась?

– А ты, что ли, не хочешь? – уставился на него Петров.

– А ты знаешь, что там может быть очень даже опасно? А мы будем без оружия!

– Почему без оружия?

– Потому что Антарктида – зона мира и дружбы! – гордо повторил Васечкин папины слова. – Понял теперь?

– Понял. Только мне эти разборки потом не нужны. Я знаю, что будет.

– Тебе мало было вчера на лыжах? То ей холодно, то ей голодно, то надо папе звонить.

А это тебе не Подмосковье, это – Антарктида. Там, небось, и телефон не работает.

– Почему это не работает? – возмутился Петров. – У меня «Билайн», он везде работает.

– А там – не будет. Никакой связи! Только по радио. Азбука Морзе – пи-пи-пи... Знаешь азбуку Морзе?

– Ты её зато знаешь! – с сарказмом заметил Петров. – Что-то не верится!

– А вот и знаю!

– Ага! Ещё бы! Так же, как коньковый ход.

– А при чём тут коньковый ход, – обиделся Васечкин. – Просто не было возможности показать!

Петров решил уступить. Этот спор всё равно ни к чему привести не мог.

– Ладно, – сказал он. – Коньковый ход здесь ни при чём. Только без Маши я не поеду.

А ты как хочешь.

Васечкин посмотрел другу в глаза. Петров был непоколебим.

Васечкин решил отступить. Одному, без Петрова, ехать в экспедицию было совершенно неохота. Дружба есть дружба.

– Ладно, – в свою очередь сказал он. – Пусть едет. Она, может, даже пригодится. Раны там перевязать или ещё чего.

– Вот именно, – обрадовался Петров. – Пойдём, расскажем ей.

Но тут раздался звонок на урок, перемена закончилась.

8. На край света

На уроке Васечкин послал Маше записку. В том смысле, что им предстоит важный разговор.

Маша поняла эту записку по-своему. Повернувшись, выразительно посмотрела на Васечкина и покрутила пальцем у виска.

Поговорить им с ней удалось только после уроков, на пути домой. Васечкин предупредил Петрова, что разговаривать будет он. В конце концов, это была его идея. Петров согласился.

Некоторое время они шли молча.

– Слышь, Старцева, – наконец издали начал Васечкин. – Ты мою записку прочла?

– Прочла, – сказала Маша. – Только не поняла ничего. О чём ты поговорить хотел? Чего такого важного?

– Не знаю даже, с чего начать... – солидным голосом произнёс Васечкин. – Дело непростое!

– Начни сначала, Васечкин! – посоветовала Маша. – Я тебя слушаю. В чём это непростое дело-то?

Васечкин откашлялся.

– Понимаешь, Маша, – принизив голос, начал он. – Дело в том, что мы с Петровым уезжаем.

– Куда это? – удивилась Маша.

– Далеко! Считаю, на край света!

Маша вытаращила глаза.

– На край света?

– Ну да.

Васечкин переглянулся с Петровым.

Тот молча покивал, подтвердил.

– Ты вообще-то как ко всему этому относишься? – продолжил Васечкин.

– К чему? – уточнила Маша.

– Как к чему? Ну, к нам, например? Ко мне, к Петрову?

– А-а. Я к вам нормально отношусь. Как к друзьям. А что?

– Да ничего. Мы к тебе тоже нормально. Скажи, Петров?

– Ну да! – выдавил из себя покрасневший Петров. – Безусловно!

– И что же? – нетерпеливо спросила Маша. – Дальше что?

– Короче, поедешь с нами? – выпалил Васечкин. – Говори, да или нет?

– Куда это?

- Как куда, я ведь уже говорил. На край света, можно сказать!
- Поеду! – не задумываясь, ответила Маша.
- Ну да? – обрадовался Васечкин. – Правда?

- Правда, – подтвердила Маша. – А чего тут такого?
  - Да ничего, конечно! – Васечкин радостно заулыбался. – Ну ты молоток, Старцева! Петров снова закивал. Он был согласен с тем, что Маша – настоящий молоток.
  - Только я в пять часов обязательно дома должна быть, – сказала Маша.
- Друзья снова переглянулись.

- Да нет, ты не поняла, – сказал Васечкин. – Это не сейчас.
- А когда же? – удивилась Маша.
- Ну, летом. На каникулах.
- А-а. Ну хорошо. Тогда и поговорим.

Было похоже, что Маша потеряла интерес к этой теме.

Петров, несмотря на договорённость, решил вмешаться.

– Мы с Васечкиным едем в экспедицию в Антарктиду, – объяснил он. – Там водятся неизвестные науке звери. Будем их открывать.

– Только это пока тайна. Так что никому! – строгим голосом добавил Васечкин. – Ясно?

– Ясно, – посерьёзнела Маша. – А что это ещё за экспедиция?

– Это папа мой организует. Поедешь?

– Конечно. Куда вы, туда и я! – белозубо улыбнулась Маша.

Петров просиял.

– А нас возьмут? – засомневалась она.

– Положись на Васечкина! – опередил друга Петров.

– Возьмут, – подтвердил Васечкин. – Куда они денутся! Я поставлю вопрос ребром!

Какой именно вопрос он будет ставить и почему именно ребром он это сделает, никто уточнять не стал. Маша по каким-то неизвестным причинам вполне удовлетворилась этим ответом. А Петров – что Петров? Он всегда и во всём доверял своему другу.

Но сказать одно, а сделать – совсем другое. И Васечкин очень хорошо это понимал. Теперь важно было не упасть в грязь лицом перед друзьями. Дело было за Васечкиным-старшим, от которого и зависела вся затея. Нельзя было сбрасывать со счетов и маму, её веское слово также имело большое значение. Короче, предстоял серьёзный разговор. Но для этого надо было выбрать подходящий момент.

9. Вопрос ребром

Подходящий момент настал недели через три. К тому времени прошло уже дней десять с момента возвращения экспедиции Рябова, и Игорь Петрович пребывал в приподнятом настроении, поскольку накануне на заседании учёного совета в институте было принято окончательное решение о новой экспедиции, которую лично он, профессор Васечкин, и должен был на этот раз возглавить.

Семья собралась за ужином, когда папа Васечкин поделился с домашними этой радостной новостью.

– Мы, Ира, отправимся гораздо дальше, чем Рябов, в район, который лежит к югу от Земли Королевы Мод! – восторженно говорил он. – Это, между прочим, довольно обширная территория. Представляешь сектор между нулём и шестьдесятю градусами восточной долготы, от семидесяти пяти градусов южной широты до самого полюса?

– Представляю, – не совсем уверенно сказала мама, филолог по образованию.

Её представления о географии ненамного превышали познания самого Васечкина, который до недавних пор путал Арктику и Антарктику.

– А что о ней известно, об этой территории? – осторожно поинтересовалась она.

– В том-то и дело, что очень мало что известно! – восторженно ответил папа. – Известно, что страна эта горная, с вершинами до четырёх тысяч метров и выше, что к полюсу высота несколько понижается. Аэрофотосъёмка с самолёта, который пролетел более пятисот километров к юго-западу от нашей полярной станции «Полюс недоступности», дала совершенно неожиданные результаты. В ясный день антарктического лета при безоблачном небе во время полёта обнаружилась новая небольшая горная область, целиком окутанная облаками. Экспедиция Рябова это подтвердила. Но она не дошла до этой местности, не была достаточно подготовлена, к тому же и припасы не рассчитывались на такое долгое путешествие. Так что им пришлось вернуться. Но как бы Зильберман ни старался это отрицать, от фактов никуда не денешься. И фотографии убедительно это доказывают!

– А что именно они доказывают, пап? – невинным голосом поинтересовался Васечкин, преследовавший вполне определённую цель.

Только надо было уметь подвести папу к этой цели.

– Чё там видно, на этих фотках-то?

– Если тебе интересно, я тебе покажу, – обрадовался папа. – У меня это всё в компьютере.

– Ещё бы не интересно, ещё как! – искренне ответил Васечкин.

– Может, сначала поужинаем спокойно? – немножко нервно спросила мама. – А потом уже будем рассматривать фотографии.

– Па, а ты просто пока скажи, чего там видно. А потом, после ужина, посмотрим, – дипломатично предложил Васечкин.

– Видны красно-коричневые острые вершины! – с энтузиазмом начал объяснять папа. – Они торчат из тяжёлого белого массива облаков, которые дальше, к северу, упираются в горную гряду, покрытую снегом и ледниками. Интересно, что облака эти строго локализованы.

– Это что значит? – спросил Васечкин. Интересный разговор нисколько не мешал ему уплетать за обе щёки.

– Значит, что они, видимо, стоят неподвижно. Любопытно, что к югу они резко обрываются, и на снимках снова появляется уже неровная поверхность ледников, вся изрезанная трещинами.

– Игорь, ешь, пожалуйста! – строго сказала мама. – Остынет!

Разговоры о предстоящей экспедиции нисколько её не радовали. С её точки зрения, и здесь, в Москве, хватало интересных и важных дел, совершенно не обязательно тащиться куда-то на край света, где не работает мобильный телефон, нет Интернета и вообще грозят неведомые опасности.

– Или тебе не нравится?

– Нравится, конечно, – ответил папа, принимаясь за еду. – Очень даже вкусно.

– Так это большой район или нет? – поинтересовался Васечкин, в планы которого вовсе не входило заканчивать разговор на такую важную тему.

– Не слишком, – ответил папа. – Общая площадь района, закрытого облаками, сравнительно невелика – примерно сто квадратных километров.

– Ничего себе невелика! – заметил Васечкин. – Так отчего там эти облака, по-твоему?

– Неподвижные облака заставляют думать о вулканической деятельности, – сказал папа. – Хотя до сих пор считалось, что, кроме Эребуса, действующих вулканов в Антарктиде не существует. Другого объяснения у меня пока нет. Одна из целей нашей экспедиции разгадать эту загадку. Мы отправимся непосредственно в этот таинственный район.

– Это опасно? – спросила мама. – Скажи мне правду, Игорь!

– Да нет, конечно! – рассмеялся папа. – Успокойся, что там может быть опасного! Считай, что это просто такая прогулка. Разве что продлится несколько дольше, чем обычно. Ты же видишь, Рябовская экспедиция завершилась вполне благополучно. Уверю тебя, Ира, мы всё продумаем и подготовимся самым тщательным образом.

Васечкин, расправившийся с ужином, решил, что время пришло.

– А знаешь, папа, что бы я сделал на твоём месте? – невинным голосом начал он.

– И что же, Петя, ты бы сделал? – спросил ни о чём не подозревающий Васечкин-старший.

– Ну, если бы я, к примеру, отправлялся в такую безопасную экспедицию в такое интересное необычное место, впервые в истории...

Тут Васечкин сделал небольшую паузу и откашлялся.

– И если бы у меня был сын-школьник, то я бы, конечно, обязательно взял бы с собой своего сына! – продолжил он. – Для которого это было бы очень даже полезно. На всю жизнь пригодилось бы!

За столом наступила пауза. Оба родителя в изумлении смотрели на Васечкина, который, как ни в чём не бывало пододвинул к себе вазочку с вишнёвым вареньем и стал перекладывать часть содержимого себе в блюдце.

– Только через мой труп! – объявила мама. – Об этом не может быть и речи!

– Почему, мама? – всё тем же невинным голосом поинтересовался Васечкин. – Это же совершенно безопасно, правда, папа? Ты ведь сам сказал!

– Ну да, в этом смысле, конечно... – забормотал смущённый папа.

– Ну вот видишь, мама! Чего тут беспокоиться! К тому же мне всё равно делать нечего, у меня летние каникулы будут. Почти целых три месяца. Не в лагерь же опять ехать. Лагерь этот надоел до смерти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.